

ГРАМАТИКА

Валентина Мусиенко, Людмила Кулешова

МОДИФИКАТОРЫ ТЕКСТОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ ИСТИННОСТИ

Статтю присвячено ролі модальних модифікаторів у реалізації текстової модальності істинності. Розглянуто різні типи модифікаторів: лексичні одиниці, питальні речення, повторювання, анафори, дейксис, засоби ретроспекції та проспекції. Показана можливість посилення й послаблення, а також зміни на протилежну модальної оцінки істинності під дією модифікаторів.

Ключові слова: модальність істинності, модифікатор, текст, висловлювання.

В бурно розвиваючійся в останні десятиліття лінгвістическ текст не последнее место занимает изучение явления текстовой модальности. Работы З. Я. Тураевой [1], Г. Я. Солганик [2], Е. А. Баженовой [3], Т. А. Сергуниной [4], Б. В. Хрычикова [5] и др. установили правомерность использования категории модальности текста в лингвистике, объём и содержание этой категории, её место среди других явлений сферы языка, речи, семантических отношений в языке и речи.

Дальнейшее изучение этой категории требует особого внимания к средствам реализации модальности текста. Существуют специфические текстовые средства реализации модальных значений, выраженные лексемами или лексическими группами, влияние которых выходит за рамки отдельных высказываний. Такие средства называют модальными модификаторами. Без понимания их роли в реализации общей текстовой модальности последняя, как представляется, не может быть вполне осмыслена и объяснена.

Из всего разнообразия модальных отношений в языке, то есть отношений автора высказывания к его содержанию, выраженных языковыми средствами, мы выбрали модальность истинности как достаточно очевидно и разнообразно проявляющуюся в тексте. Показать соответствие или несоответствие содержания высказывания действительности является одной из наиболее часто встречающихся коммуникативных целей в речевой деятельности. Особенно важна модальность истинности для научных текстов. Вполне репрезентативными с точки зрения функционирования модальных модификаторов истинности, на наш взгляд, являются научно-гуманитарные тексты, сочетающие в себе элементы строго научного, а также публицистического, художественного и даже разговорного стиля. Именно такие тексты были выбраны нами для анализа указанной модальной категории.

Целью статьи, таким образом, является определение роли модификаторов в реализации текстовой модальности истинности, описание их разновидностей, грамматических и семантических особенностей.

Общая модальность как выражение отношения автора к сообщаемому заставляет воспринимать текст не как сумму отдельных единиц, а как цельное произведение; такое восприятие основывается не на рассмотрении качеств отдельных речевых единиц, а на установлении их функций в составе целого. Для научных текстов их общее модальное значение истинности играет особую роль, поскольку систематичность и единообразие в изложении здесь выступают в качестве одного из основных требований.

Лексические модальные модификаторы (вводные слова и словосочетания, модальные глаголы, наречия, имена прилагательные и существительные) могут распространять своё действие за пределы предложения, охватывая сверхфразовое единство, в котором они присутствуют, или целый текст. Предложения и группы предложений также могут служить в качестве текстовых модальных модификаторов. Выполняют эту функцию и вводно-союзные компоненты со значениями следствия-вывода (*значит, следовательно, выходит*); обобщения и заключения (*итак, таким образом, вообще, в итоге, словом, одним словом*); сопоставления и противопоставления (*однако, напротив, наоборот, с одной стороны – с другой стороны, впрочем*); перечисления (*во-первых, во-вторых, в конце концов*); уточнения, пояснения (*например, к примеру, в частности, вернее, точнее, короче, иными словами, лучше сказать*). Они являются средствами межфразовой связи и особенно широко используются в научной речи [6, с. 7–10].

Такие модальные модификаторы выражают, в соответствии с терминологией Г. Я. Солганик, внешнюю или эксплицитную текстовую модальность, которая реализуется вводными словами, словосочетаниями, предложениями, а особенно – личными местоимениями, непосредственно обнаруживающими присутствие в тексте личности говорящего [2, с. 179].

В любом случае указанные модальные модификаторы представляют собой средство внутритекстовой когезии, связывая оценкой часть текста либо текст в целом. Целесообразно выделить две их семантические функции: 1) выражение того, что оценка относится к данной части текста или ко всему тексту в целом; 2) выражение оценки (указание на то, что последующий или предшествующий текст истинен, ложен, имеет промежуточное истинностное значение).

К средствам реализации первой из указанных функций относятся модальные слова и словосочетания, связывающие части текста причинно-следственными или формальными связями: *итак, следовательно, таким образом* и др. ...*Итак, природа порождает человека как самое прекрасное и самое сознательное существо. Человек – цель природы, но одновременно и субъект* (10, с. 14); ...*Таким образом, произведения, возникшие в эпоху борьбы русского народа с татаро-монгольскими завоевателями, такие как "Слово о погибели земли Русской", "Сказание о граде Китеже", "Повесть о разорении Рязани Батыем", Куликовский цикл и другие свидетельствуют о сильной патриотической окрашенности эстетического видения природы в XIII–XIV века* (10, с. 248). Приведёнными предложениями завершаются относительно законченные части научно-гуманитарного текста, сверхфразовые единства. Модальная оценка, содержащаяся в них, распространяется на предыдущую часть текста.

Средствами модальной модификации научно-гуманитарного текста могут быть также вопросы, стоящие в начале сверхфразового единства. Наприм.: *какие же конкретно критерии уже нащупаны исследователями? Рассмотрим одну содержательную работу в этой области...* (10, с. 126). *Художник не воссоздает точно явления природного мира (точность – это курьез, "обманка"). Но почему? Разве природа не само совершенство?! ...* (10, с. 81). Данные вопросы предполагают и частично предвосхищают ответы на них (какие-то критерии уже нащупаны исследователями; есть причины, по которым художник не воссоздаёт точно явления природы). Тем самым они создают и определённый модальный истинностный смысл последующего текста.

Средства внутритекстовой когезии относят часто к категории так называемых текстовых скреп – "выразителей разного рода отношений и связей между компонентами текста, стандартизированных показателей этих отношений" [7, с. 24], которые обладают "прагматически-коммуникативной установкой воздействия на адресата" [8, с. 423].

Модальные фразы с оценочной семантикой, как правило, реализуют обе указанные функции – и оценочную, и выделяющую, – находясь при этом в позиции начала или конца сверхфразового единства (*Ясно одно...; Очевидно следующее...;*) – *Оценивая эти иллюстрации к рассуждениям Фрейда, можно предположить, что к началу XX века они удовлетворяли в сублимированной форме свойственные каждому тогдашнему человеку половые или агрессивные влечения. Что касается нашего современника, то несомненно одно: ему требуется более сильное лекарство* (4, с. 22). *Социологические рейтинги также не избежали едких насмешек. Так при определении наиболее перспективных политических фигур 1991 года выяснилось следующее...* (4, с. 128). Модальные фразы могут включать предикаты пропозициональных установок, тогда они требуют наличия субъекта и выражают персонализированную оценку – *Поясним нашу мысль примером из литературы...* (6, с. 10); *Заметим, что – судя по этому – публика уже не мало знает о русском языковом этикете* (6, с. 65); *В итоге, мы можем сказать, что образ человека на экране предстает перед нами как сообщение, очень большой сложности...* (6, с. 68). Область действия такого маркера связывается единством лица и оценки истинности. Она выходит за рамки высказывания, что выражается словами *поясним, судя по этому, в итоге*, которые отсылают к предшествующей или последующей части текста.

Текстовые модификаторы позволяют эксплицитно выразить любую из разновидностей истинностной модальности, иными словами, относятся ко всем её субмодальностям. Модальные слова и словосочетания со значением причинно-следственной связи в этом отношении нейтральны и могут выражать любое значение истинности. Лексемы с перцептивным элементом в своей семантике, такие, как: *очевидно, ясно, понятно* выражают значения *veritas de dicto*, если находятся в позиции предиката и имеют либо предполагают одушевлённый субъект. Наприм.: *Однако приходится помнить, что без активной помощи государства духовенство не могло рассчитывать на быстрый и решительный успех, – а государства-то в Исландии и не было!* (3, с. 113); *Это кажется очевидным, и тем не менее наша задача может быть поставлена и на этическом материале*

(3, с. 116). В случае, когда они находятся во вводной позиции или не предполагают одушевлённого субъекта, они выражают значения *veritas de re*. **В самом деле, Зигфрид, Брюнхильда принадлежат времени древнему, времени предания, сказки** (3, с. 125); **Одно ясно: эти зачаточные механизмы речи и языка, мысли и абсурда не могли бы возникнуть в замкнутом индивидуальном сознании** (8, с. 151).

Модальные слова и фразы в качестве текстовых модальных модификаторов придают области их действия разные оттенки значений из континуума истина – ложь. Возможны как прямые, точные оценки, так и смягчённые либо неопределённые. Наприм.: **Считать клановую систему более ранней стадией трудно, так как...** Поэтому в нашем исследовании мы **должны искать** другие критерии и другие опознавательные признаки (2, с. 105); **Итак, мы сомкнули все линии нашего анализа и получили подтверждение гипотезы о четырехчленной конструкции этнического становления** (2, с. 126)). Как правило, для текстов от первого лица не характерна оценка ложь, но вполне обычным является выражение сомнения: *Я не уверена, что всё сказанное, – правда, но...* Оценка своих слов как ложных вступает в противоречие с презумпцией истинности авторской речи в научном тексте (автор может ошибаться, но, как предполагается, никогда не говорит того, что сам не считает истиной). Оцениваться как ложная может естественным образом только чужая речь. Наприм.: *Так, для XVI века обычным считалось отмечать политический, а нередко и экономический крах возрожденческой Италии с окончанием итальянских войн...* **В действительности же более реалистической является другая оценка итогов итальянских войн** (9, с. 13) или предполагаемое мнение, не относимое к какому-либо конкретному субъекту, – *Но неверно было бы, разумеется, сводить дело к тому или иному термину* (8, с. 64).

Текстовые модальные модификаторы указанного типа играют роль фактора, усиливающего модальное значение истинности – как позитивное, так и негативное, – той части текста, к которой они относятся. Если выраженная ими модальная оценка позитивна, усиление модального значения отдельных высказываний происходит независимо от того, совпадает ли значение модальных текстовых модификаторов с модальностью соотносимого с ними текста. Усиливаются сразу все оценки (в том числе разнонаправленные), содержащиеся в отдельных высказываниях в составе последующего или предшествующего текста. Наприм.: *Теперь мы можем более точно формулировать стоическое учение об истинности или лжи в их отношении к «лектон».* Вот что по этому поводу всё у того же Секста Эмпирика... *Отсюда с полной очевидностью вытекает, что «лектон», взятый сам по себе, совершенно никакого отношения не имеет к истине или лжи* (5, с. 177). Первое высказывание из этого сверхфразового единства усиливает истинность последующей цитаты из Секста Эмпирика и ложность отрицаемого в последнем предложении утверждения.

Если модальное значение текстовых модификаторов негативно по отношению к истинности высказываний, модальная оценка в отдельных высказываниях соотносимой с ними части текста меняется на противоположную (истина на ложь, ложь на истину). Так, в предпоследнем из приведённых примеров, все изложенные автором мнения относительно краха возрожденческой Италии, имеющие в рамках первого высказывания значение *истина*, получают в итоге модальное значение *ложь*.

В случае выражения сомнения, вероятности, неполного знания, соотносимого с текстом, модальная оценка в высказываниях ослабляется, если она позитивна либо негативна, и усиливается, если она совпадает со значением текстовых модальных модификаторов. Наприм.: *В первый период, до конца Пунических войн, как сообщают авторы источников, не было недостатка в героях, желавших погибнуть за отечество. Муций Сцевола, Аттилий Регул, Цинцинат, Эмилий Павел и множество им подобных, вероятно, в значительной мере были созданы патриотической легендой, но важно, что именно подобные личности служили идеалом поведения* (2, с. 163) – оценка *истина* в первом высказывании ослабляется вторым; *В первый период, вероятно, существовали герои, желавшие погибнуть за отечество. Мы точно не знаем их имена, поскольку Муций Сцевола, Аттилий Регул, Цинцинат, Эмилий Павел в значительной мере были созданы патриотической легендой – вероятностная оценка истинности первого высказывания подтверждается вторым.*

Одним из средств модификации модальной истинностной оценки в тексте являются лексические повторы. Повторы слов, словосочетаний, фраз в изменённом окружении, в других частях текста помимо связности создают единый модальный смысл. Ранее полученное ими значение переносится в иную часть текста, охватывая и своё новое окружение. Происходит своего рода интерференция модального значения. Всё связанное с уже установленным фактом или истинным высказыванием приобретает некоторый ореол истины. Поэтому повторы являются средством научной аргументации [9, с. 105]. Таким образом, модальная оценка при повторах распространяется

за пределы повторяющегося элемента текста и охватывает связанное с ним по смыслу текстовое окружение: *Адаптивные способности человека на порядок больше, чем у прочих животных* (2, с. 30) – *Отмеченные адаптивные способности человека не просто повышены сравнительно с его предками, а связаны с особенностью, отличающей человека от прочих млекопитающих* (2, с. 222).

Повтор усиливает любое модальное значение – *истины, лжи, сомнения, знания, незнания* и т. д. В случае, когда модальная оценка в повторяющемся элементе текста не эксплицирована, повтор предполагает усиление позитивной оценки истинности (значение истины). Если при первом появлении в тексте содержание языковой единицы оценивается как мнение автора, то второе вхождение придаёт ему, как правило, смысловой оттенок установленного положения дел, а при последующих вхождениях к нему апеллируют как к непреложному факту или истине аксиоматического характера, что подтверждает приведённый выше пример.

Повторы в тексте влияют на значение в любой из субмодальностей истинности. Иногда при этом способе связывания текста происходит инвертирование истинностных субмодальностей. Так, при прямом формальном цитировании или ссылке, вводимой словами *как мы говорили, ...* модальность *de re* переходит в модальность *de dicto*. Наприм.: *Истинное произведение искусства возникает таинственным, загадочным, мистическим образом "из художника"... Оно живет, действует и участвует в созидании духовной атмосферы, о которой мы говорили* (3, с. 97) – сказанное ранее было изложением фактов (*de re*), но в данном высказывании они оцениваются как мнение автора (*de dicto*). Обратный процесс может происходить, когда чьи-то слова подаются как факт, без вводных конструкций и персонализированной оценки.

Ещё одним средством когезии текста, используемым для модальной оценки, является *анафора*. Формально анафора отличается от повтора дейктичностью языковых единиц (слов, словосочетаний), т.е. недословным повторением сказанного. В этой связи иногда говорят об особом дейктическом модуле текста [10, с. 258–280]. Однако, помимо указанных выше, есть и другие отличия. Во-первых, анафора относится не только к данному референту, но и к его контексту. Например, описать в некотором тексте случившийся где-то пожар и потом, далее по тексту, употребить слово *пожар* означает референцию только к самому факту пожара. Сказать же *то, что произошло* (анафорическое имя пожара) означает референцию не только к факту, но и ко всем деталям события. Если модальная оценка обоих элементов содержания (факта и совокупности деталей) одинакова, то различия в цитационном и анафорическом повторе не заметны. Но если модальная оценка различна (например, факт пожара считается установленным, а описываемые детали сомнительными), то анафора фиксирует истинностную двойственность, а повтор – только истину факта.

Во-вторых, анафора изменяет смысл (сигнификат) языковой единицы. Сказать *Л. Н. Гумилёв* или сказать *этот учёный*, согласно точке зрения, идущей от Г. Фреге и Б. Рассела, значит выразить разный смысл. Иначе говоря, дейктическая отсылка к некоторому объекту выделяет в нём другую сторону. В то же время истинностная оценка может относиться и к объекту в целом, и к одной из его сторон – в первом случае ни анафора, ни дословный повтор не изменят заданного ранее модального значения, во втором случае анафора это значение изменяет (то, что было истинно в отношении *Л. Н. Гумилёва*, оказывается не обязательно истинным в отношении *этого учёного*).

Дейктические языковые единицы могут заменять высказывание, группу высказываний, а также только субъект или предикат. Для обобщённой характеристики в основном избираются местоимения, которые вбирают в себя все модальные значения, часто бывая модально амбивалентными. В наибольшей степени нейтральны и восприимчивы к модальным влияниям указательные местоимения *это* и *то*. В разном контексте они могут приобретать соответствующие смысловые оттенки (*это обстоятельство, этот факт* скорее указывает на истину *de re*; в этом смысле, по этим соображениям – на истину *de dicto*). Пример истинности *de dicto*: *Романтики пытались реставрировать образы игры в литературе (как и образы карнавала), но они воспринимали их субъективно и в плане индивидуально-личной судьбы... Это наше утверждение распространяется – с некоторыми оговорками – и на образы игры у Лермонтова* (1, с. 256). Пример истинности *de re*: *Всюду, где складываются условия для абсолютно неофициального полного и цельного жизненного общения, там слова начинают стремиться к такой амбивалентной полноте. Словно древняя площадь оживает в условиях комнатного общения, интимность начинает звучать как древняя фамильярность, разрушающая все грани между людьми. Было бы грубо неверным переводить **это явление** в психологический план. Это очень сложное социально-речевое явление* (1, с. 458); *Смех, безусловно, был и внешней защитной формой. Он был легализован, он имел привилегии, он освобождал (в известной только мере, конечно) от внешней цензуры, от внешних репрессий, от костра. Этот момент нельзя недооценивать* (1, с. 105).

При наличии в анафорических элементах текста модальных маркеров с позитивной, негативной или промежуточной истинностью предыдущая истинностная оценка соответственно усиливается, меняется на противоположную, ослабляется. При этом истинностная оценка, содержащаяся в анафоре, если она не совпадает с предыдущей оценкой, доминирует в тексте как более поздняя. Наприм.: *Открытость не только текста, но и контекста, вписанного в бесконечное множество других, более широких контекстов, стирает разницу между текстом и контекстом, языком и метаязыком. Это не означает их превращения в единый гомогенный текст...* (7, с. 38). При отсутствии эксплицитных модальных маркеров на анафору переносится истинностная оценка того элемента текста, на который она указывает.

Близким к анафоре по характеру переноса модального значения истинности средством внутритекстовой когезии является ретроспекция [11, с. 105–113]. Ссылка на предыдущую часть текста может осуществляться без раскрытия её содержания. И. Р. Гальперин подчёркивает временной аспект в явлении ретроспекции в тексте. Думается, что для возникновения этого явления достаточно: 1) указания на ту часть текста, с которой соотносится данная. Наприм.: *Я начал с утверждения, что крестьянин почти не находит себе места в раннесредневековой культуре, третирующей его как своего рода "бесконечно малую величину". Но, как выясняется, эта величина на самом деле была не столь уж ничтожна* (3, с. 64); *Как отмечено во Вступлении к этой книге, в нашей психологической науке пока остаётся дискуссионным вопрос: является ли психологическое взаимодействие людей чем-то вторичным по отношению к психике каждого индивида?* (8, с. 133); 2) указания на объект в данной части текста, с которым связана ретроспекция – *Отмеченный выше "парохиализм" полностью присущ и другому нашему видению* (3, с. 172); *Здесь нужно ещё раз возвратиться к истории возникновения "Видения Туркилля". Как мы уже знаем, сперва его рассказы о виденном в мире ином имели отрывочный характер* (3, с. 176). Механизм реализации модального значения здесь тот же, что и при повторах и анафорах: возвращение к высказанному ранее автором научного текста положению или факту придаёт ему большую убедительность, во всяком случае, показывает уверенность в нём автора.

Противоположное ретроспекции явление – проспекция; данная часть текста соотносится с тем, что будет сказано. В частности, к проспекции можно отнести провозглашение в начале научного текста будущей темы или общего суждения, которые уточняются и объясняются в процессе изложения [12, с. 21]. Например, вот начало работы А. Ф. Лосева «О понятии аналитической лингвистики»: *Современная лингвистика отличается как своими огромными достижениями, так и своими весьма многочисленными недостатками. Мы сейчас хотели бы говорить не о достоинствах, но скорее о недостатках современной науки о языке. Одним из самых главных недостатков этой науки является, с нашей точки зрения, слишком абстрактное и слишком логически неподвижное определение и употребление основных языковых категорий. ...* (5, с. 145). Модальная оценка истинности приобретает форму предвидения. Например: *Социальная психология никак не может ограничиться рассмотрением таких моделей, где предполагается более или менее однородная и единая социальная структура. Мы уже разрушили такую модель, затронув тему об авторитете и авторитарности. Теперь надо рассмотреть вопрос в более широком охвате* (8, с. 169); *Попробуем перевести представления об исторической эволюции личности, индивида, человека на язык общей теории психических общностей* (8, с. 190). В любом случае происходит перенос оценки из одной части текста в другую с её усилением, ослаблением или утратой однозначности и приобретением двусмысленности в зависимости от наличия и направленности модальных маркеров в соотносящихся частях.

Сделаем выводы. На модальное значение высказывания в научно-гуманитарном тексте влияет не только его внутренняя структура, но и сверхфразовые факторы, которые возникают вследствие пребывания высказывания в связанном тексте. Роль текстовых модальных модификаторов могут выполнять лексемы и лексические группы с истинностной семантикой в модальных и немодальных позициях. Такие текстовые модальные модификаторы позволяют эксплицитно выразить любую разновидность модальности истинности. При их позитивном значении усиливаются сразу все модальные оценки во фрагменте текста, на который распространяется их действие, в том числе взаимно противоречащие. При негативном значении модальный смысл отдельных высказываний изменяется на противоположный. Средствами модальной истинностной оценки являются также повторы слов, словосочетаний, фраз, которые создают единый модальный смысл, перенося своё значение на новую часть текста. Повторы усиливают любую модальную оценку. Если оценка не эксплицитована, повтор предполагает усиление позитивной истинности. Текстовыми средствами модальной оценки являются также анафора, ретроспекция и проспекция. Возвращение к

высказанному ранее автором научного текста положению или факту придаёт ему большую убедительность.

Перспективы исследования обусловлены возможностью изучения роли модальных модификаторов в реализации текстовой модальности истинности на материале различных типов текстов с точки зрения стилистики, дискурсивных, функциональных, коммуникативных особенностей, а также конкретизации исследования в плане его сосредоточения на отдельных средствах модальной модификации текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 105–114.
2. Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста / Г. Я. Солганик // Русский язык – функционирование грамматических категорий. Текст и контекст / Г. Я. Солганик. – М. : Наука, 1984. – С. 179–186.
3. Баженова Е. А. Экспликация преемственности знания в научном тексте / Е. А. Баженова // Речевое мышление и текст / Е. А. Баженова. – Воронеж, 1993. – С. 166–174.
4. Сергунина Т. А. Роль модальности в определении семантики высказывания и текста / Т. А. Сергунина // Русское языкознание. Вып. 20. – К., 1990. – С. 108–114.
5. Хрычиков Б. В. Категория модальности, её объём и средства выражения в современном русском языке / Б. В. Хрычиков. – К. : Вища школа, 1992 – 214 с.
6. Алгазина Т. С. Вводно-союзные компоненты в структуре предложения и текста / Т. С. Алгазина : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1994. – 18 с.
7. Прияткина А. Ф. Скрепка-фраза (к изучению текстовых коннекторов) / А. Ф. Прияткина // Дни славянской письменности и культуры : Материалы Всероссийской науч. конференции. – Ч. 2. – Владивосток : Изд-во ДВГТУ, 1998. – С. 24–27.
8. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М., 1998. – 528 с.
9. Белошапкина В. А. Функционирование слов *так* и *например* в письменной научной речи / В. А. Белошапкина, М. А. Лозано // Словарь. Грамматика. Текст. – М. : Ин-т русск. яз., 1996. – С. 187–194.
10. Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. – С-Пб. : Наука, 2000. – 345 с.
11. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин – М. : Наука, 1981. – 139 с.
12. Барш І. Л. Етнолінгвістичні аспекти наукової комунікації / І. Л. Барш // Мовознавство. – 2000, № 1. – С. 21–31.

ИСТОЧНИКИ

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – М. : Изд. Художественная литература, 1965. – 528 с.
2. Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилёв. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.
3. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
4. Дмитриев А. В. Социология юмора / А. В. Дмитриев. – М. : ОФСПП, 1996. – 214 с.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф. Лосев. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1982. – 480 с.
6. Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин : Ээсти Раамат, 1973. – 70 с.
7. Маньковская Н. Б. Париж со змеями (Введение в эстетику постмодернизма) / Н. Б. Маньковская. – М. : ИФРАН, 1994. – 220 с.
8. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – М. : Наука, 1979. – 232 с.
9. Рутенбург В. И. Истоки Риссорджименто: Италия в XVII–XVIII веках / В. И. Рутенбург. – Л. : Наука, 1980. – 304 с.
10. Эстетика природы. – М. : ИФРАН, 1994. – 230 с.

Valentyna Musiyenko, Lyudmyla Kuleshova

Textual modality modifiers of true meaning

The article regards the importance of modality modifiers in realization of textual modality of true meaning. Different types of modifiers are analysed: lexical units, interrogative sentences, repetitions, anaphors, deixis, means of retrospection and prospection. The possibility of strengthening, weakening and changing to the opposite the modal evaluation of true meaning by the modifiers is revealed.

Key words: modality of true meaning, modifier, text, statement.